

Л. Э. Сутягина

Дорогами Приладожья. Старинное рыбацкое село Кобона: люди и судьбы

*О Ладога-малина,
Малинова вода,
О Ладога, вели нам
Защитить невода...*

А. Прокофьев¹

каналов. В архивных документах Кобона часто упоминается как Кабона – по названию речки Кабонки (Кобоны), впадающей в Ладожское озеро². Автор «Словаря географических названий Ленинградской области» С. В. Кисловский полагает, что гидроним «Кобона» происходит от финского названия «Хабони», что по-фински «һаара» – осина³. По мнению авторов сборника «Этнография северо-запада России», изучавших Волкосарский полуостров, название р. «Кабона» происходит от прибалтийско-финского «һарапа» – «кислый», «гнилой»⁴. Географически село Кобона находится на территории Волкосарского полуострова, вдающегося в Ладожское озеро с юга и ограниченного с запада бухтой Петрокрепость, а с востока – Волховской губой.

Места эти удивительно красивые. Ладога издревле кормила рыбой, поэтому берега Южного Приладожья начали заселяться уже в конце I тысячелетия н. э. Речка Кабонка и поселения ладожских рыбаков – «непашенных ловцов» упоминались в Новгородской Окладной писцовой книге за 1500 год⁵. В писцовой книге за 1569 год в Кобоне значится деревянная церковь в честь мучеников Флора и Лавра, покровителей скотоводства⁶.

Строительство Петровского Ладожского канала в 1719–1732 годах, водная магистраль которого

Кобона. Церковь во имя Николая Чудотворца. XIX в.

Санкт-Петербург немыслим без своих окрестностей, как ближних, так и дальних. Как город он зачинался в тесной взаимосвязи с губернией, ее природными, экономическими, этническими и культурными ресурсами. Строительство Северной столицы оказало сильнейшее влияние на весь Северо-Западный регион. И в этом еще одна ключевая особенность формирования как Петербурга, так и территорий Ингерманландии, Санкт-Петербургской губернии, а впоследствии Ленинградской области.

Природный и историко-культурный потенциал современной Ленинградской области богат и разнообразен. Помимо этого, сохранилось большое количество бывших погостов, сел, деревень со своей исторической судьбой. Тому пример – старинное рыбацкое село Кобона, до сих пор очаровывающее своей тихой и размеренной жизнью.

Кобона расположена в 80 километрах от Санкт-Петербурга при впадении реки Кобоны (55 км) в Ладожское озеро, по берегам Староладожского и Новоладожского

пролегла через кобонские земли, сыграло особенную роль в дальнейшем развитии деревенской жизни.

В самом начале XVIII столетия новой столице Российской империи постоянно требовались лесоматериалы, песок, строительный камень, продовольствие, работные люди. Необходимость «канавушки Ладожской», как называли ее в народе, была обусловлена опасным судоходством на Ладожском озере. Из-за частых ладожских штормов, большого количества мелей государственная казна и судовладельцы терпели немалые убытки. «...Ладожское озеро весьма часто от ветров в ужасное приходит волнение, которое превосходит, кажется, колебания большого моря», – писал академик Николай Озерецковский в 1785 году⁷.

Идея строительства обводного канала принадлежала, как известно, Петру Великому, торжественно открывшему начало работ 22 мая/2 июня 1719 года. Ладожский канал длиной 104 версты связал внутренние земли России с Петербургом и Балтикой. На протяжении 150 лет он играл важнейшую роль в торговых грузоперевозках.

18 апреля 1728 года в Кобоне торжественно открыли шлюз для выпуска судов из канала в Ладожское озеро; укрепили берег от сползания водоносных грунтов. Водный путь по каналу от Новой Ладоги до Кобоны начал действовать⁸.

Потомственный житель села Кобона Н. С. Харьков проводит экскурсию в музее «Дорога жизни»

Вдоль течения канала между речкой Кобонкой и рекой Волхов были устроены специальные водохранилища – «резервы», которые использовали для поддержания достаточного уровня воды в канале (на два метра выше уровня Ладоги)⁹. Систему бейшлотов, резервов и шлюзов предложил известный инженер-фортификатор Бурхард Христофор фон Миних. Именно ему в 1723 году Петр I поручил окончание строительства Ладожского канала.

Еще со старинных времен было известно, что каждые 7 лет вода в Ладожском озере прибывает и

затем семь лет убывает. Академик Н. Озерецковский, совершивший путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и Ильменю в конце XVIII века, писал об особенных свойствах Ладоги и необходимости системы ладожских каналов, связавших Онегу и Ладогу безопасными водными путями¹⁰. В своем описании Ладожского канала он упоминал о том, что на 44-й версте в Кобоне был построен каменный водоспуск о «двух арках»¹¹.

К середине XIX века пропускная способность Староладожского канала становится явно недостаточной. Канал обмелел, засорился, а шлюзы не справлялись с поддержанием достаточного уровня воды для парового флота. В 1866 году император Александр II на большом катере торжественно открыл водный путь по новому Ладожскому каналу, получившему его имя. Александровский канал построили уже без каких-либо гидротехнических сооружений, как когда-то и мечтал царь Петр. Вода в канале поддерживалась за счет его глубины и ширины¹². Новоладожский канал и по сей день остается судоходной магистралью.

Каналы и гидротехнические сооружения обслуживал и охранял Ладожский канальный батальон. Для военнослужащих батальона в Кобоне построили двухэтажную караулку. Необходимость такого воинского подразделения объяснялась не только охраной водных путей, но и тем, что в навигацию увеличивалось население Новоладожского

Кобона. Здание бывшего караульного помещения Ладожского канального батальона

и Шлиссельбургского уездов за счет людей, сопровождавших суда по бечевнику вдоль каналов. Следовательно, требовались меры по соблюдению порядка. А питейных заведений вдоль каналов от Новой Ладogi до Шлиссельбурга было достаточно¹³. Здание караулки сохранилось; сегодня там располагается небольшая гостиница для охотников и рыбаков¹⁴.

Тогда, в начале XVIII столетия, этими землями владел главный строитель первого Петровского канала генерал-лейтенант Б. Х. фон Миних. В 1723 году построили кобонский Путевой дворец для царя Петра, осматривавшего строительство Ладожского канала осенью 1724 года. Петр I вместе с Минихом проплыл на специальном ботике по готовой части канала (примерно – на 20 верст) от Новой Ладogi до деревни Дубно и обратно¹⁵.

В 1785 году, возвращаясь из Вышнего Волочка, императрица Екатерина II отобедала в Путевых дворцах в Новой Ладoge, Кобоне и Шлиссельбурге¹⁶. Но уже к началу XIX века Путевой дворец в Кобоне сильно обветшал. В 1846 году дворец был разобран¹⁷. Этому предшествовала работа комиссии Санкт-Петербургской Казенной палаты по осмотру подобных сооружений в Новой Ладoge, Шлиссельбурге и Кобоне в 1833 году. Комиссия сообщает о том, что «дворец в Кобоне о 12 покоях» находится в плохом состоянии, из чего были сделаны выводы о разборке этого дворца¹⁸.

С середины XVIII века село Кобона относилось к Новоладожскому уезду Санкт-Петербургской губернии. Жители Кобоны и окрестных деревень занимались рыболовством, земледелием, деревообработкой, лесным хозяйством, обслуживали Мариинскую речную систему. В Кобоне и окрестностях проживали «крестьяне, военные, купцы, мещане и прочие обыватели», как сообщают нам Клировые церковные ведомости Новоладожского уезда¹⁹. Дома на селе стояли вдоль каналов и речки Кобоны, что объяснялось значимостью водных пространств и имело утилитарное значение. Каждый дом – пристань, а его жильцы, независимо от занятий и промысла, имели лодку и выходили в Ладogu. Так было всегда, со старинных вре-

мен. И до сих пор коренные кобонцы садятся в лодку и отправляются за чистой ладожской водой.

В 1843 году по Ладожскому каналу прошло 29 971 судно, 8 866 плотов. Общий оборот грузов составил 47 766 рублей серебром²⁰. Возросшая интенсивность движения грузов по ладожским каналам во второй половине XIX века сказывалась на занятиях населения ладожских сел и деревень, обслуживающих судоходство. Следует учитывать тот фактор, что земледелие в этих краях не приносило особых доходов. Н. М. Кутепов так характеризовал эти территории: «...суровость климата и неблагоприятная почва земли представляют вообще главные препятствия в наилучшем развитии здесь земледелия»²¹.

Согласно материалам архивного фонда «Строений Санкт-Петербургской губернии до 1917 г.» с 1796 года село Кобона с пустошами принадлежало графине Екатерине Алексеевне Мусиной-Пушкиной. Екатерина Алексеевна, жена графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, была урожденной Волконской. Она была рачительной хозяйкой и уделяла внимание своим именьям и хозяйству, во всем любила порядок и учила тому же своих детей. В семье графа и графини было три сына и пять дочерей. Собственно, именно графиня занималась кобонскими делами. Мусины-Пушкины владели лесопильным заводом в Кобоне²². В XIX веке вотчину Кобону с 399 душами крестьян унаследовал сын Алексея Ивановича, генерал-майор от кавалерии Иван Алексеевич Мусин-Пушкин²³, в доме которого в Петербурге бывал А. С. Пушкин.

В середине XIX века земли в Кобоне принадлежали статской советнице княгине Александре Ивановне Мещерской и ее сыну, гвардейскому подпоручику князю Василию Сергеевичу Мещерскому, поверенному в делах Кобоны²⁴. Александра Ивановна приходилась внучкой А. И. Мусину-Пушкину.

Интересна и поучительна история с лесопильным заводом графа Ивана Александровича Мусина-Пушкина. Работу завода остановил губернский строительный комитет в октябре 1889 года, так как высота заводского здания не соответствовала высоте заводских котлов. Граф

И. А. Мусин-Пушкин обратился к петербургскому губернатору с просьбой разрешить работу завода, обещая исправить весной будущего года все несоответствия. Губернский механик Цыхановский сообщил в строительный комитет и полицейское управление об отсутствии стены между котельной и самим предприятием, а также о несоответствии размеров котельной завода и котлов. 22 января граф Иван Александрович дал расписку о том, что к 15 июля 1890 года исправит неполадки. Рассмотрев просьбу И. А. Мусина-Пушкина, строительный комитет разрешил возобновить работу завода летом 1890 года. 25 июня 1890 года дело закрыли, и завод графа И. А. Мусина-Пушкина заработал²⁵.

К концу XIX столетия на трех лесопильных заводах в окрестностях села Кобона работало около 200 человек²⁶. В 1899 году в Кобонском приходе состояли село Кобона, деревни Низово, Леднево, Лаврово, Лава, Ручьи (414 дворов, 937 мужчин, 1038 женщин). В этих деревнях были лавки, постоянные дворы, трактиры. Практически в каждой деревне была или часовня, или приходская церковь. В деревне Низово ежегодно проводилась ярмарка. К концу XIX века в Кобоне было 77 дворов и проживало 304 человека²⁷; в приходе действовало три школы для крестьянских детей²⁸.

Обычно по берегам рек и озер храмы строились в честь Николая Чудотворца (архиепископа Мирликийского) – покровителя мореплавателей, рыбаков и путешественников. Согласно Клировым ведомостям Духовной Консистории, к 1764–1765 годам жители Кобоны посещали деревянную пятиглавую церковь с колокольней в честь святителя Николая²⁹. Этот храм сгорел в 1815 году. Такое часто случалось с деревянными постройками. С 1820 по 1821 год при старании бывшего тогда священника Стефана Алексеева возводится каменный храм во имя святого Николая Чудотворца с приделами в честь святых апостолов Петра и Павла и Параскевы Пятницы. Постройка обошлась прихожанам в 19 тысяч рублей³⁰. Из этих денег 10 тысяч рублей одолжила Комиссия духовных училищ. Церковь «...каменная, однопрестольная была построена на средства прихожан и

добровольные пожертвования. К храму приписано 7 часовен»³¹. Церкви принадлежал дом, в котором жил настоятель храма.

В строительстве Никольской церкви принимал участие «доброхотный податель» купец Филатов³². Священник Стефан Алексеев приложил много сил для осуществления строительства храма³³.

В 1860–1861 годах по указу Духовной Консистории от 13 июня 1860 года за № 3153 осуществлялась реконструкция Никольской церкви³⁴. Были уничтожены боковые приделы, оставили один престол. Над центральной частью разместили декоративное пятиглавие. В то время был в моде «русский стиль», поэтому была изменена архитектурная обработка стен храма. Обновлением церкви, проектными работами, сметой занимался известный петербургский архитектор, профессор Академии художеств М. А. Щурупов³⁵. Работы обошлись в 2924 рубля 30 копеек серебром. 613 рублей 50 копеек собрали по книжке прихода³⁶.

Михаил Арефьевич Щурупов (1815–1901) – автор многих проектов православных храмов не только в Санкт-Петербургской губернии, но и по всей России и за рубежом. Реконструируя Никольскую церковь, М. А. Щурупов оставил классический четырехколонный портик и многоярусную колокольню, построенную в 1821 году. Это решение архитектора было продиктовано своеобразным ландшафтом. Горизонтальная гладь ладожских каналов и Ладожского озера подчеркивает и усиливает эффект устремленности к небу храма во имя святителя Николая Чудотворца³⁷.

В середине XIX века Священный Синод официально разрешил массовое строительство церквей в стиле каменных храмов прошлых столетий. Михаил Арефьевич был современником и участником этих событий, поэтому к строительству храма в Кобоне относился как к обычной, достаточно типовой культурной постройке³⁸.

Церковное убранство храма, монументальная настенная живопись, росписи несущих опор, иконостас были характерны для православных церквей середины XIX века. Из Епархиальных сборников и справочников Санкт-Петербургской

Кобона. Музей «Дорога жизни». Памятник советскому поэту А. А. Прокофьеву. Музей сгорел в ночь с 13 на 14 мая 2010 г.

губернии известно, что в церкви Святителя и Чудотворца Николая хранились остатки оловянных сосудов, найденных местной крестьянкой в колодце среди поля в 1830 году. Семья графа А. И. Мусина-Пушкина подарила храму «сребропозлащенный крест» и сосуды, о которых упоминают приходские клировые ведомости³⁹.

Автор статьи занималась этой темой в петербургских архивах и библиотеках в поисках документов об имуществе и интерьерах храма для восстановления Никольской церкви. Практически не осталось описаний, изображения внутренних интерьеров храма в Кобоне, тем более имущества. Это связано с антирелигиозной политикой Советского государства в 30-е годы XX столетия.

Об имуществе храма и внутреннем убранстве мы можем судить по отдельным историческим источникам и воспоминаниям старожилов Кобоны, с которыми автор беседовала летом 2002 года по поручению директора музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда» В. И. Поздняковой. Эти полевые записи и наблюдения были необходимы для реставрации церкви и краеведческих фондов музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда», курировавшего проект восстановления храма. На основе полевых записей и работы в ЦГИА

Санкт-Петербурга в 2002–2003 годах сложился личный архив автора по истории села Кобона и окрестностей.

По воспоминаниям коренных жителей Кобоны Лангова Александра Степановича (1922 г. р.) и Поляковой Евдокии Васильевны (1905–2004), храм освещали серебряные подсвечники и два паникадила внушительных размеров⁴⁰. Иконы с изображением Богородицы, Спаса, Святой Троицы, Николая Чудотворца располагались в киотах. Один из 12 колоколов весил около 120 пудов. Храм Николая Чудотворца отличался богатым убранством и благолепием. Купол и столпы внутри церкви были расписаны на темы Благовеста.

Александр Степанович Лангов, хорошо знающий историю родного села, рассказывал о том, что во второй половине XIX века был поставлен на колокольне храма новый, очень необычный крест. Крест держался на шаре, а его середина была заполнена гранеными стеклышками. Благодаря эффекту преломления солнечных лучей крест сверкал как бриллиант. Необычный крест стал своеобразным маяком для ладожских рыбаков. Устанавливал крест на Никольской церкви церковный староста Иван Васильевич Харьков⁴¹. Этим крестом любовались не только кобонцы, но и те, кто проезжал или проплывал мимо⁴².

Летом 1937 года решением Леноблисполкома Никольская церковь была закрыта⁴³. Следы храмовых святынь теряются после 1937 года, как, впрочем, и всего церковного имущества. Драгметаллы, часть колоколов увезли в неизвестном направлении. Иконы закрыли в сарае, через некоторое время сарай сгорел. Некоторые из колоколов утопили в канале. Священника Якова Чулкова⁴⁴ (жители села вспоминали его как Якова Щулкова. – Л. С.) расстреляли, его сыновей отправили в лагерь. Сельчанам известно, что сыновья священника Чулкова воевали на фронте, однако после войны их след теряется.

В Кобоне и окрестностях проживало немало богатых купцов, которые часто жертвовали деньги на храм, строили на свои средства часовни, щедро одаривали церковь. Новолодожский купец Илья Грибанов на свои средства построил ча-

совню в честь Крестовоздвижения у старинного колодца, где в 1830 году были найдены древние оловянные сосуды⁴⁵. 14 сентября в праздник Воздвижения Креста Господня жители Кобоны совершали крестный ход к этому месту. Возглавлял шествие настоятель Никольской церкви. Сельчане несли хоругви, совершали песнопения. Вода из колодца славилась на всю округу. Колодец сохранился до наших дней, но в разрушенном состоянии⁴⁶. В июне 2001 года на северной окраине Кобоны он был раскрыт. Сегодня подготовлен проект восстановления часовни в честь Воздвижения Креста Господня.

Илья Грибанов занимался ремонтом ладожских каналов, много добрых дел сделал в свое время для Приладожья. И хотя был он новолadoжским купцом, похоронен И. Грибанов вместе с женой на кладбище при церкви Николая Чудотворца в селе Кобона. Более ста лет кобонцы хранят память об этом человеке.

На протяжении почти полутора столетий священники церкви Николая Чудотворца жили в собственных домах, имелось 33 десятины земли, 12 десятин – сенокос, 8 десятин – пахота, 13 десятин – лес и дороги. Границы прихода: на востоке – мыза Матовая и Верола, на западе – Ладожское озеро, на севере – село Черное, на юге – село Лукинское⁴⁷.

Деревянные часовни существовали в деревне Низово – в честь Параскевы Пятницы; в деревне Леднево – в честь апостолов Петра и Павла; в Кобоне – Никольская часовня и часовня в честь Крестовоздвижения; в деревнях Лаврово и Ручьи – две часовни⁴⁸. Старожилы вспоминают, что рядом с Никольской церковью был дом причта и большой яблоневый сад. Дом представлял собой двухэтажную постройку с мансардой. От дома к храму вела плиточная дорожка, обсаженная липами. Печальная участь постигла практически все церковные сооружения Кобоны и ее окрестностей.

Из Епархиальных сборников и справочников Санкт-Петербургской губернии известны многие священнослужители Никольской церкви. Но, пожалуй, больше всего жители Кобоны запомнили Стефана Алексея, осуществлявшего постройку

каменного храма; Федора Ильича Боголюбова, служившего верой и правдой не только Православной церкви, но и Отечеству; и Петра Александровича Лебедева, преподававшего в церковно-приходской сельской школе в начале XX века.

Карьеру священнослужителя Стефан Алексеев начал в 1784 году пономарем церкви Архангела Михаила Михайловского погоста Новолadoжского уезда. Затем он был рукоположен в сан иерея и служил в Новой Ладоге в Никольской церкви. С 1805 года о. Стефан принял Кобонский приход. Именно стараниями Стефана Алексея строится каменный Никольский храм в Кобоне в 1820–1821 годах⁴⁹.

Протоиерея Федора Ильича Боголюбова за ревностное и честное отношение к службе Санкт-Петербургская епархия наградила фиолетовой скуфьей, бархатной камиллавкой и бронзовым крестом на Владимирской ленте. Помимо выполнения духовных и молитвенных обязанностей, о. Федор занимался составлением сельской летописи и вел климатические наблюдения для Русского географического общества⁵⁰. Протоиерей Федор безвозмездно обучал сельских ребятшек грамоте и воспитал пятерых сыновей и четырех дочерей. Причем сыновья Ф. И. Боголюбова по примеру отца выбрали путь служения Господу⁵¹.

В Клировых ведомостях Санкт-Петербургской епархии за 1904 год читаем о том, что в Никольской церкви села Кобона служил Петр Александрович Лебедев, сын псаломщика Петербургской епархии⁵². П. А. Лебедев обучался в Петербургской Духовной семинарии, после чего в 1875 году был направлен в Покровскую Преображенскую церковь Новолadoжского уезда. В 1896 году он получил должность учителя церковно-приходской школы, а в 1898 году определен Его Высокопреосвященством на священство в Никольскую церковь села Кобона. Рукоположен в священники архиепископом Финляндским и Выборгским Антонием 21 июня 1898 года. П. А. Лебедев проповедовал в школе Закон Божий. Указом № 3231 по Санкт-Петербургской Духовной консистории П. А. Лебедева назначили членом строительной

комиссии по постройке церкви в Лаврово. За добросовестную службу он был награжден фиолетовой скуфьей, набедренником и грамотой от епархии. Священник о. Петр имел двух сыновей – Николая и Владимира⁵³.

Евдокия Васильевна Полякова рассказывала о том, что Петр Александрович Лебедев руководил вместе с женой Ольгой Андреевной церковным хором и обучал девочек церковному пению. В начале XX века на средства ладожских купцов в Кобоне на берегу реки построили двухэтажное здание трехклассной школы. В этой школе и преподавал священник П. А. Лебедев, о котором до сих пор помнят старожилы села⁵⁴.

Е. В. Полякова вспоминала добрыми словами этого священника, в бытность которого дети рыбаков ходили в двухэтажную деревянную школу⁵⁵. И среди них – будущий поэт-романтик Александр Андреевич Прокофьев. Он родился в 1900 году в многодетной крестьянской семье. Уже в начальной школе начал писать стихи. В конце восьмидесятых годов XX столетия в здании школы был открыт мемориальный музей поэта А. А. Прокофьева и музей Дороги жизни, посвященный событиям 1941–1944 годов.

В страшные годы блокады Ленинграда рыбацкая деревня Кобона стала важнейшим пунктом эвакуации населения и продовольственным портом на Ладожском озере. Ленинградцы навсегда запомнили кобонский храм Николая Чудотворца 1941–1943 годов как символ спасения, символ Дороги жизни из блокадного Ленинграда на Большую Землю.

Идея автомобильных перевозок по замерзшему Ладожскому озеру в мирное время показала бы беспримерно дерзкой. Мировая история военного и гражданского строительства еще не знала такого рода примеров. Ладога – самое большое озеро Европы, грозное и коварное, совершенно не изученное с точки зрения транспортных возможностей. Поэтому организация дороги была задачей со многими неизвестными. Неоценимую помощь здесь могли оказать рыбаки, в том числе и кобонские, веками накапливавшие знания об изменчивом нраве озера⁵⁶.

Ледовую коммуникацию решили проложить довольно близко от позиций противника – всего в 12–13 километрах, в южной части Шлиссельбургской губы, так как лед здесь более прочный, чем в других частях озера. Длина ледовой дороги оказалась наименьшей – всего 30 километров.

В памятный вечер 22 ноября 1941 года на восточный берег, в Кобону, вышли 60 автомобилей. На следующий день первая автоколонна двинулась в обратный путь. Лед был еще настолько хрупким, что в кузов полоторатонной машины ЗИС-5 грузили не более 5–6 мешков муки. Не все машины достигли цели, но первый дар ледовой дороги составил 33 тонны хлеба.

Так родилась знаменитая Ладожская военно-автомобильная магистраль – ВАД № 101, позже – ВАД № 102. С этой дорогой были связаны жизнь ленинградцев, жизнь и боеспособность войск фронта. В течение пяти месяцев ни днем, ни ночью, в пургу и в лютый мороз, невзирая на жестокий огонь врага, ни на минуту не прекращалось движение по Дороге Жизни, шел транспорт с бесценными грузами для Ленинграда. 22 января 1942 года Государственный Комитет Обороны принял постановление об эвакуации 500 тысяч жителей Ленинграда. Путь ленинградцев по ледовой Дороге жизни из Осиновца в Кобону – незабываемая страница ленинградской блокады. Зачастую людей перевозили в открытых машинах, даже в сильный мороз. Не все могли выдержать подобное путешествие. Огромное мужество и выносливость проявляли шоферы, работавшие на самом тяжелом и опасном участке – ледовой трассе. Под бомбежкой здесь негде было укрыться, и машины шли над студеной пучиной.

Рыбачья Кобона на восточном берегу Ладоги принимала блокадников. Для эвакуированных пришлось приспособить не только помещения двухэтажной школы и сельсовета, но и здание старинной Никольской церкви. Храм был практически единственным местом, дававшим возможность укрыться от немецких бомбежек и суровых ладожских ветров. За крепкими церковными стенами изможденных ленинградцев кормили; больным оказывали

Кобона. Братское захоронение 1941–1944 гг.

медицинскую помощь, а затем отправляли вглубь страны.

Деревня насчитывала к тому времени не более 80 дворов, все они оказались переполнены. очевидцы вспоминали, что «церковь была набита битком». Сотрудникам эвакуопункта зачастую приходилось буквально на руках носить истощенных людей, прибывавших из блокадного города, помогать им с багажом. Для детей, потерявших родителей в дороге, был оборудован детский приемник при санчасти. После многочасового пути истощенные ленинградцы получали здесь горячую пищу и сухой паек в дорогу. По питательным карточкам также выдавали и кипяченую воду – по пол-литра на человека. Это непривычное «изобилие» до сих пор остается одним из важнейших эпизодов в благодарных воспоминаниях о Кобоне. А часто случалось и так, что многие из изголодавшихся людей уже не способны были переварить пищу, которая оказывалась для них смертельной, они остались лежать здесь в братских могилах.

В 1944 году Кобона вернулась к мирной жизни. Трагично, но до сих пор не известно, сколько же ленинградцев, преодолевших ледовый путь через Ладогу, спаслись? А многие остались лежать в братских могилах деревенских кладбищ Кобоны и Лаврово, по берегам Ладоги и ладожских каналов. Глеб Горьшин приводит цифру – один милли-

он семьсот тысяч ленинградцев, эвакуированных по Дороге жизни через Кобону⁵⁷. Сегодня это предмет научных споров. Но бесспорным остается тот факт, что Никольская церковь спасала людей, храм стал символом спасения Ленинграда.

С начала 90-х годов в деревне Кобона работал музей Дороги жизни, образованный как филиал музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда». По инициативе директора музея Веры Ивановны Поздняковой был создан общественный фонд с целью сбора средств на восстановление церкви Святого Николая Чудотворца. С 1998 года на пожертвования ленинградцев и жителей области в Никольской церкви ведутся реставрационные работы.

Архивы и литература, к сожалению, дали мало информации по памятнику. Самостоятельно был восстановлен внешний декор храма, произведены ремонтные работы, осуществлен дренаж. Восстановлены полы, купол, кресты, в том числе уникальный крест со стеклянными пазами. Старый, искореженный крест XIX века хранился у Н. С. Харькова с 30-х годов XX века.

8 сентября 2003 года, в день памяти начала Ленинградской блокады, были установлены колокола на Кобонском храме.

В настоящее время храм Никольская Чудотворца передан в качестве подворья Свято-Троицкому Зеле-

нецкому мужскому монастырю, настоятелем которого является игумен Пахомий. Храм живет церковной, молитвенной жизнью. Настоятелем прихода Никольской церкви является иерей Георгий.

Каждый год, 22 мая, на Николу летнего, и 8 сентября, в день памяти начала Ленинградской блокады, в Никольской церкви звучат молитвы обо всех «...убиенных на поле брани, почивших в годы блокады».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В ночь с 13 на 14 мая 2010 года музей Дороги жизни в селе Кобона сгорел до основания. Эта непоправимая утрата потрясла не только жителей Кобоны, но и всех ладожан и петербуржцев.

Я давно дружу с замечательным человеком, потомственным жителем

села Кобона, профессиональным моряком и рыбаком, образованным и интересным собеседником – Николаем Сергеевичем Харьковым. Он и его жена, Нина Ивановна, много лет берегли трогательный музей Дороги жизни, посвященный событиям Великой Отечественной войны, а также мемориальный музей своего земляка, советского поэта А. А. Прокофьева, устроенный в здании бывшей трехклассной школы начала XX века.

В декабре 2009 года, по каким-то причинам, Харьковым были уволены новой администрацией музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда». А в апреле 2010 года, в канун празднования 65-летия Великой Победы, уволили и директора музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда», заслуженного работника культуры РФ Веру Ивановну

Позднякову, которая приложила немало усилий для создания музея Дороги жизни и восстановления Никольской церкви.

Еще одна ниточка с прошлым прервалась, еще один памятник утрачен...

Многие годы, занимаясь историей Отечества, осознаешь, что *традиции и опыт отцов необходимо беречь*. У семьи кобонцев Харьковых это ощущение было всегда. А теперь для этой семьи, как и для всех односельчан, произошла беда!

*И только пыль вдали клубится
На месте том, на месте том...
Но, может, внуку сон приснится,
Что был когда-то старый дом...*

Стихотворение Александра Андреевича Прокофьева, написанное в 1957 году, оказалось пророческим.

- ¹ Прокофьев А. А. Сочинения: в 2-х т. М., 1957.
- ² ЦГИА СПб. Кобона деревня, планы, книги. 1809. Ф. 262. Оп. 14. Ед. 435. Л. 12.
- ³ Кисловский С. В. Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области. Л., 1968. С. 55.
- ⁴ Гадло А. В. Верняев И. И. Егоров С. Б. Чистяков А. Ю. Этнография северо-запада России. СПб., 2004. С. 97.
- ⁵ Щербович С. М. Этот знакомый и незнакомый Кировский район. СПб., 2007. С. 193.
- ⁶ Берташ А. В. Векслер А. Ф. Новая Ладога. СПб., 2004. С. 132.
- ⁷ Озерецковский Н. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена. СПб., 1812. С. 22.
- ⁸ Там же. С. 132.
- ⁹ Гадло А. В. Верняев И. И. Егоров С. Б. Чистяков А. Ю. Указ. соч. С. 92.
- ¹⁰ Озерецковский Н. Указ. соч. С. 10, 44–45, 549–551.
- ¹¹ Там же. С. 552–554.
- ¹² Торелов А. А. К истории русских каналов в XVIII в. Автореф. дис... кан. ист. наук. Л., 1949.; Берташ А. В. Векслер А. Ф. Указ. соч. С. 44–45.
- ¹³ Кутепов Н. М. Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1899. С. 398.
- ¹⁴ Личный архив автора. 2003.
- ¹⁵ Берташ А. В. Векслер А. Ф. Указ. соч. С. 39.
- ¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 2. Д. 351. Л. 5–7.
- ¹⁷ ЦГИА СПб. Кобона деревня, планы, книги. 1809. Ф. 262. Оп. 14. Ед. 435. Л. 12.
- ¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 2. Д. 351. Л. 5–7.
- ¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4032. Л. 79.
- ²⁰ Кутепов Н. М. Указ. соч. С. 398.
- ²¹ Там же. С. 398.
- ²² ЦГИА СПб. Ф. 262. Оп. 14. Д. 435. Л. 12.
- ²³ Там же. Оп. 6. Д. 417. Л. 1–29.
- ²⁴ Там же. Оп. 14. Д. 435. Л. 12.
- ²⁵ Там же. Оп. 17. Д. 91. Л. 33, 37; ЦГИА СПб. Ф. 262. Оп. 418. Л. 3.
- ²⁶ Щербович С. М. Указ. соч. С. 195.
- ²⁷ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. VII. Губернии Приозерной группы. СПб. 1885. С. 86.
- ²⁸ Кутепов Н. М. Указ. соч. С. 370, 398–399.
- ²⁹ ЦГИА СПб. Кобона деревня, планы, книги. 1809. Ф. 262. Оп. 14. Д. 435. Л. 12.
- ³⁰ ЦГИА СПб. Клировые ведомости церковей Новоладожского уезда за 1820 г. Ф. 19. Оп. 113. Д. 544. Л. 19–21.
- ³¹ Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии // Сост. Н. М. Кутепов. СПб., 1899. С. 398.
- ³² Там же. С. 398.
- ³³ ЦГИА СПб. Клировые ведомости Санкт-Петербургской епархии за 1862 г. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1891. Л. 5.
- ³⁴ Отчет Императорской академии художеств с 4 сентября 1860 года по 3 сентября 1861 года. СПб., 1861. С. 72.
- ³⁵ Яковлев Н. А. Михаил Щурупов. СПб., 2001. С. 96–97.
- ³⁶ Отчет Императорской академии художеств с 4 сентября 1860 года по 3 сентября 1861 года. СПб., 1861. С. 72.
- ³⁷ Сулягина Л. Э. Храм старины удивительный, белоколонный // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. СПб. 2003. С. 42.
- ³⁸ Булкин В. А. Введение во храм. СПб., 1997. С. 52.
- ³⁹ ЦГИА СПб. Клировые ведомости церковей Новоладожского уезда за 1820 г. Ф. 19. Оп. 113. Д. 544. Л. 19–20.
- ⁴⁰ Личный архив автора. 2003.
- ⁴¹ ЦГИА СПб. Клировые ведомости Санкт-Петербургской епархии. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4032. Л. 70–76.
- ⁴² Сулягина Л. Э. Указ. соч. С. 41–43.
- ⁴³ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 10. Д. 1416. Л. 32–35.
- ⁴⁴ Щербович С. М. Указ. соч. С. 196.
- ⁴⁵ Кутепов Н. М. Указ. соч. С. 398.
- ⁴⁶ Гадло А. В. Верняев И. И. Егоров С. Б. Чистяков А. Ю. Этнография северо-запада России. СПб., 2004. С. 123.
- ⁴⁷ ЦГИА СПб. Клировые ведомости Санкт-Петербургской епархии. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1891. Л. 1.
- ⁴⁸ Там же. Л. 1–2.
- ⁴⁹ ЦГИА СПб. Клировые ведомости церковей Новоладожского уезда. 1820. Ф. 19. Оп. 113. Д. 544. Л. 19.
- ⁵⁰ ЦГИА СПб. Клировые ведомости Санкт-Петербургской епархии. 1859. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1738. Л. 92–97.
- ⁵¹ Там же. 1862. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1891. Л. 5.
- ⁵² Там же. 1904. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4032. Л. 70, 73.
- ⁵³ Там же. Л. 74–75.
- ⁵⁴ Там же. 1904. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4032. Л. 76–79.
- ⁵⁵ Личный архив автора. 2003.
- ⁵⁶ Фоченкова М. Я. Историческая справка по Дороге Жизни. 1941–1944 гг. Архив музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда». Кировск, 2001. С. 25.
- ⁵⁷ Горышин Г. Ладога. М., 1989. С. 14.